

Книги Артема Каменистого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЗАПРЕТНЫЙ МИР
РАДИУС ПОРАЖЕНИЯ
САФАРИ ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ**

Цикл
«ПРАКТИКАНТКА»

**ПРАКТИКАНТКА
БОЕВАЯ ЕДИНИЦА**

Цикл
«ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА»

**ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА
ЗЕМЛИ ХАЙТАНЫ
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД
ЭТО НАШ ДОМ**

Цикл
«ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК»
**ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК
ДОРОГИ СМЕРТНИКОВ**

Цикл
«ДЕВЯТЫЙ»
**ДЕВЯТЫЙ
НА РУИНАХ МАЛЬРОКА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
НА РУИНАХ
МАЛЬРОКА

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К18

Серия основана в 1992 году
Выпуск 729

Художник
М. Поповский

Каменистый А.

К18 На руинах Мальрока: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 410 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1012-5

Его готовили совершить невозможное. Он это сделал. Ему обещали многое: богатство, славу, сверхъестественные возможности, любовь самых красивых женщин. И обманули...

Орды нелюдей, инквизиция со своими подвалами, убийцы, интриганы и даже верный пернатый друг — всем им от него что-то надо. Причем лишь попугай более-менее умерен в своих желаниях — остальные не скромничают.

Если и доведется подарок получить, то с подвохом. Мечтал о надежном убежище и спокойной жизни вдали от врагов? Получай! С одной стороны, неплохо, но с другой... Даже королевская армия почему-то сбежала из Межгорья в большом страхе, не завершив зачистку. Похоже, спокойной жизни не предвидится...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1012-5

© Артем Каменистый, 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПРОЛОГ

— ...Изменник рода человеческого, признаешь ли ты, что вступил на дорогу зла по воле своей, а не по принуждению или недомыслию глупому? Соблазн тебя обуял, жизни нечестивой, блудливой и разгульной возжелалось, оттого и свет чистый на мрак крошечный променял! Тьма тебя гложет и приятны тебе кровавые лобзания от клыков ее вонюче-слюнявых! И дорогами зла шел ты к погибели души, чужую кровь землю не жалея поливал, говоря в смрадную пустоту: «Прими меня, Тьма нечистая, — твой я теперь не по принуждению, а по желанию своему!» Иль собственную кровь при этом тоже отдавал, малой данью нечисть умасливая? Во сне глубоком шепот врага рода человеческого как весть благоую принимал, оттого и просыпаться не хотел, на соломе в телеге днями отлеживаясь? С умыслом богопротивным или пустой глупостью жертвами многими погань накормил? Сознаешься ли, что без брачного ложа совокуплялся с богомерзким суккубом под покровом ночи в помещении греховном, свое тело, Богом даденное, навеки тем деянием осквернив? Сознаешься, что принял впоследствии на грудь живое сердце змеиное бабы поганой своей, предав себя Тьме? Сознаешься, что Бога отверг истинного; что плевал на церковные извращения; что потешался над тайнами святыми; а еще питал симпатию к гадкому учению богопротивных еретиков, которые, следуя подлеишему завету богоотступника Иридия, извратили истину не единожды? Признаешься, что в тайный стговор с премерзким епископом иридианским вступил и многие души невинные погубить замыслил, в западную коварную с улыбкой лживой заманивая? Признаешься, что многими

страшными карами грозился солдатам войска королевского, воспрещая им в битву со слугами зла вступать? Сознаешься, что с помощью дьявола, самого страшного врага рода человеческого, оружие нечистое за одну ночь в кузнице сотворил, коим затем предательски оскопил солдата королевского из великой дали, не видя его при этом, но по наущению нечистого духа не промахнувшись?..

На последних словах не сдерживаюсь — улыбаюсь. Опять... Несмотря на ситуацию, не могу не порадоваться. Единственный позитивный вопрос — при всем моем бедственном положении лишь он не перестает радовать. Приятно знать, что не промахнулся в тот раз, действительно угодил сволочи куда мечтал. Очень удачно вышло: ведь подонкам потомство ни к чему. Не иначе как и впрямь сам Бог помог — без его вмешательства достать гада за нежные места через крепостную амбразуру непросто.

— Скалишься, зла скверное исчадие?! Водой святой оскал твой сейчас утрем, скалься — скалься! А не перестанешь скалиться — так воду ту подогреем, а то и вскипятим!

Опять водные процедуры?! Да сколько же можно!.. Эх... надо научиться контролировать свои эмоции. Зря я улыбнулся: сейчас опять начнется. Вот ведь наблюдательный гад — улыбка у меня небось едва заметна... скорее гримаса легкая; темень в этом каземате почти полная — чадящий светильник в углу помогает мало. Но все замечает...

Поток вопросов прервался, но до молитвы дело еще не дошло. Когда он начинает молиться, мое чувство юмора куда-то прячется. И обычно я при этом ору так, что уголки губ рвутся — нелегко при таких раскладах улыбаться.

Он, вполне возможно, и не злой. Возможно, глубоко в душе не желает мне ничего, кроме добра. Возможно, даже искренне считает, что спасает меня от куда более худшей участи.

Может, он в чем-то и прав, но это не мешает мне его ненавидеть.

Я давно устал отвечать на одинаковые вопросы — он не слушает ответов или не верит им. Промолчу я или в очередной раз сознаюсь во всем — ему безразлично. Он будет спрашивать вновь и вновь, перемежая допрос молитвами и

кое-чем еще... очень нехорошим. Для этого нехорошего у него имеется парочка молчаливых помощников. За все время они ни слова не произнесли, если не считать перешептываний друг с другом.

Уж лучше бы они языки чесали, чем...

Ему все равно — каюсь я, ору от боли, молчу или ругаюсь на двух языках. Даже то, что один из этих языков в его мире никому не известен, ничуть его не интригует. Часами или сутками монотонным голосом, не громко и не тихо, спрашивает, спрашивает и спрашивает.

Одно и то же...

В перерывах между молитвами...

Его помыслы, если не придирается к отдельным меркантильным мелочам, благородны — он, похоже, искренне мечтает меня спасти. Но мне от этого не легче, потому что спасти он мечтает лишь душу.

На тело ему наплевать.

Неудивительно: ведь он — инквизитор.

Глава 1

БУДНИ ИНКВИЗИТОРОВ

Оглядываясь назад, на все свои двадцать девять относительно честно прожитых лет, не могу не признать: в скуке стандартной жизни имеются свои преимущества. Самое страшное повреждение организма — царапина от диванной пружины; самый большой стресс — когда, прогуляв семестр (погряз по молодости-глупости в гулянках и добывании средств на эти самые гулянки), чудом, в последний момент разделался с экзаменами, едва не отправившись служить Родине, что в мои жизненные планы никаким боком не входило.

Хотя вру — самый страшный стресс подытожил мою старую беззаботную жизнь. Это случилось в тот день, когда я в последний раз увидел своего врача, узнав от него неприятные новости... Он тогда дал честное слово, что коптить небо мне осталось недолго. Полгода давал... максимум.

Интересно — сколько с той поры минуло? Около трех месяцев там, еще на Земле, «яйцеголовая шайка» обучала меня премудростям науки выживания, заодно напичкав голову теоретическим мусором, чертежами и схемами. Память у меня хорошая, но этого им показалось мало — даже до гипноза дело доходило и шепчущих наушников на ночь. Информационный прессинг был чудовищным: моя и без того нездоровая голова переносила его с трудом. С тех пор у меня в черепе свалка... хотя и до этого мусора там хватало...

Сколько я здесь? Двухнедельные скитания по морю, лесам и холмам; оживающие хищники; горько-соленая вода в легких; свист стрел; звон оружия; кровь и раны... смерти спутников. Мою давнюю царапину от диванной пружины здесь даже обрабатывать не станут: раз голова не оторвана, значит, боец здоров.

Потом, похоже, я умер. В очередной раз. И опять ненадолго... о чем уже устал сожалеть.

Сколько я уже провисел на сырой холодной стене? Без понятия — в этом темном подвале время давно остановилось. Может, неделю, а может, и год...

Здесь частенько случаются моменты, когда мгновение растягивается в вечность...

Да и откуда мне знать, сколько длится местный день? Иван тогда, еще на Земле, рассказывал, что, по их подсчетам, он чуть длиннее земного. Можно ли верить этой информации? Я вот не верю — половина их теоретических построений высосана из пальца, а откуда высосана вторая половина, даже знать не хочется.

Ладно, будем считать, что полгода прошло. Я успел умереть пару раз, но все еще живехонек. Точнее, живет одно из моих тел — второе, увы, отправилось на кладбище.

Хотя не факт — может, медленно дрейфует в жидком азоте с каким-нибудь секретным антифризом, залитым вместо крови...

«Яйцеголовым» верить безоглядно не стоит...

Кстати, об этом я местному инквизитору уже рассказывал. Из моего сбивчивого объяснения он понял лишь одно: мое старое тело умерло, а новое я считаю чужим. После этого ему пришлось долго молиться, а мне, естественно, опять страдать, сожалея о своей разговорчивости. Но не рассказать было невозможно — в этой организации умеют получать ответы на любые вопросы.

С тех пор я предпочитаю помалкивать. Стимула для откровенности нет: соловьем разливайся или язык проглоти — все равно молитв не избежать. Хотя помалкивать трудно — не получился из меня партизан на допросе в гестапо. Ну не переносу я некоторых методов местного дознания.

Молитвы — это еще куда ни шло, но вот то, что происходит параллельно с ними, меня очень напрягает...

Лязг железа — тело опускается на цепях. Грубые лапы подхватывают, тащат, заваливают спиной на бугристую, выдавшую виды доску. Опять лязг железа — руки разбрасываются в стороны, вытягиваясь в струны. Болезненный удар по голеням — на них захлопывается дубовый брусок запора.

Горло сдавливают широкий ошейник, запрокидывают голову назад, останавливаются.

Все — зафиксированный пациент в наркозе не нуждается.

А наркоз мне сейчас не помешает...

— Господи наш всемогущий, молю о чудесах новых, о сил великих проявлении, о милости, о благах дарованных, о...

Пытаюсь сжать зубы, но куда там — воронку в рот вставляют без заминки. Воронка видала виды: медь покрыта подозрительными рытвинами: будто покусанная. Не удивлен — я и сам ее частенько грызу.

Молитвы продолжаются, но смысл слов до меня уже не доходит — тело и душа едино напряжены, дрожат, готовятся... А потом крик захлебывается в горле... Точнее, в воде захлебывается...

Кто бы мог подумать, что простая вода способна на такое... Ледяная струя, запущенная с высоты палаческого роста, низвергается в медный конус и оттуда горной рекой врывается в мою многострадальную глотку. Затапливает пищевод, желудок, бронхи и легкие. Сила гидравлического удара такова, что едва тело не разрывает. Воздух из меня выбивает весь — задерживать дыхание при этой пытке бесполезно.

Когда-то доводилось слышать, что смерть от воды приятна и безболезненна. Если встречу этого болтуна, утоплю в кипятке, предварительно сняв кожу.

А снимать буду медленно... мясо солью присыпая...

Я это на второй день пыток придумал: умолять, рыдать, стискивать зубы — все бесполезно. А вот если представлять, как мучаются мои недруги, давние и нынешние... Немножко легче становится.

В глазах темнеет... Неужели сейчас все закончится?! Неужели потеряю сознание и хоть немного смогу отдохнуть?!

Размечтался — я в руках профессионалов. Рот освобождается, доска наклоняется, переворачивается. Тело, повиснув на заломленных руках, корчится в судорогах, содержимое желудка и легких хлещет на грязный пол. Льется изо рта, из носа, из ушей. С трудом, будто через вату, слышу обрывки слов главного мучителя. Спрашивает что-то? Да какая разница — все равно день только начинается, и страдать мне

предстоит до самого вечера. Сознание потерять не получилось, но, может, получится сдохнуть?..

Попробуем...

Через боль в глотке и груди выдыхаю поток отборных местных ругательств (спасибо, Тук, — хоть чему-то у тебя научился). Затем перехожу к вещам посерьезнее: угрожаю выпотрошить тех драных коз, что родили моих мучителей. Ведь не должны рогатые сожительствовать со свиньями — от подобных извращений рождаются инквизиторы и черви, что в отхожих местах водятся.

Червей и коз мне простить могут, но свиней — никогда. В этом мире к хрюшкам отношение сложное — гораздо сложнее, чем у мусульман и евреев. Я могу прилюдно надругаться над всеми церковными святынями — подобное преступление считается на порядок безобиднее громогласного подозрения в родственных связях с погаными животными.

Ну! Давайте! Вперед, ребята! Тащите свою медную клизму! Без передышки я второго сеанса «терапии» не перенесу — сил ведь совсем не осталось. Если не сдохну, то точно отключусь!

Оплеуха слева — кого-то мой монолог огорчил.

— Урод! Это ты что — бьешь так?! Это папа тебя научил так бить?! А хрюкать он тебя не научил?!

Опять оплеуха. От души врезали — мозг едва в черепе не кувыркнулся. Но не везет — сознания не теряю.

— Стоять! — Монах голос повысил.

Это он мне — или кому? И как, интересно, я встану?!

Не мне:

— Сапоги тащи! Обувайте изменника!

— Но, господин инквизитор! Тяжкие увечья дозволяется делать лишь под надзором королевских соглядатаев, по приговору суда не ниже городского! А суда сегодня уже не дожидаться — только завтра получится собрать, если сейчас в управу сбегать! Там ведь через канцелярию все делается, а это дело небыстрое.

Чудеса — один из палачей обрел голос. Спокойный, рассудительный — никогда не подумаешь про такого, что он способен обидеть столь замечательного человека, как я.

— Ты оглох? Или поганцу помочь вздумал?! Отвечай!

— Что вы! Как такое подумать на меня могли! Просто порядок такой!

Голос изменился: теперь взволнованный, с плохо скрываемым испугом.

— Здесь я — порядок! И я велю: тащи сапоги!

Понятия не имею, что за обувь здесь обсуждают, и вообще мало прислушиваюсь — наслаждаюсь отдыхом, все еще пытаюсь продышаться. Сутками висеть на стене в вертикальном положении — не шутка, после такого и на мокрой доске лежать в радость. Долго расслабляться не дают: с ног убирают деревянный запор, но ступни заковывают в нечто металлическое и тесное. Разглядеть «обновки» не могу, но понемногу начинаю беспокоиться — похоже, инквизиторы решили применить нечто новенькое. Не верю, что мне это понравится, — до сих пор они ни разу не делали ничего приятного.

— Изменник рода человеческого, в последний раз говорю тебе: поведай тайны свои безо всякой утайки. Ты все равно их поведаешь, но только с болью великой.

Вот и началось — садист наконец перешел к тому, что его интересует по-настоящему: он ведь пытается меня не только из альтруистических побуждений. Голос инквизитора слащаво-многообещающ. Когда он так пел в последний раз, мне потом под ногти деревянные клинья начали загонять.

— Да чего вам от меня надо!!! — ору, пытаюсь затянуть время, — ведь ответ знаю прекрасно.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена своего. Нам надо знать, как вы делаете сердца погани для лечения и усиления своего пригодными и как сами не перерождаетесь, свежими их приняв на тело свое. Ты принял сердце — и до сих пор не стал тварью, значит, способ такой тебе ведом. Поведай его мне, и я позабочусь о спасении твоей души. А если опять лгать начнешь, то с криками жалеть об этом будешь. Говори!

И рад бы ему ответить, но что? Я как в том анекдоте про схваченного разведчика: под нечеловеческими пытками героически молчу, не выдавая военной тайны. Он по глупости своей тайны не знал — учился плохо; а я ее вообще не могу знать.

Вздыхаю, обреченно отвечаю чистую правду:

— Не знаю я тайн ордена. Устал повторять: я не страж! Я — самозванец! Меня приняли за стража, там, на побережье, и я не стал этого отрицать! Не знаю я ничего про сердце! Не знаю я, каким способом мои раны вылечили! Помню, что мечом меня ударили несколько раз, в бою у брода, и все — дальше ничего не помню! Хоть жгите, хоть вешайте — не скажу ничего! Потому что не знаю!!! Вы не за того меня принимаете!!! Я не могу рассказать ничего!!! Не могу!!! Откуда самозванцу знать тайны ордена?!

— Ты все скажешь, — очень уверенно говорит инквизитор и коротко командует: — Левый на четыре оборота.

Вот теперь я понял, куда угодили мои ноги: в хитроумные тиски. И сейчас палачи начали их завинчивать. Ступню сдавило сразу с четырех сторон, загибая пальцы к пятке и одновременно сжимая с боков. Суставы затрещали, в ожидании болевого взрыва тело напряглось, выгнулось... я даже дышать перестал.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей полуденных. Поведай, пока не стало поздно!

— Да не страж я!!! Не знаю я никаких тайн!!! — почти рыдаю, понимая, что слова здесь бесполезны, — даже соврать правдоподобно не получается... пробовал уже.

— Левый на пять оборотов.

Сегодня не мой день... сознание потерять не получилось. В глазах тьма, расцветиваемая цветными разводами и мириадами искр, во рту солено, глотку режет от перенесенной водной пытки и нечеловеческого крика, но все равно в спасительную тьму не ушел. Прочувствовал все...

— Изменник рода человеческого, слышишь меня?

Ничего не вижу и почти оглох от собственного крика. Боже, как же больно! Хрена с два я вам отвечу — лучше думайте, что не слышу. Все равно отвечать нечего...

Увы, с этими ребятами номер не проходит:

— Правый на четыре оборота.

Теперь вторая ступня напряжена, а про то, что осталось от первой, и думать боюсь — не ощущаю там ничего, кроме молилитного сгустка нестерпимой боли.

— Изменник рода человеческого, а сейчас слышишь меня?

— С-слышу... — Вот попробуй не ответить таким настойчивым.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей. Поведай, а то ведь и вторую ногу ломать придется. Тяжек твой грех, и лишь в покаянии искреннем спасение обретешь. Начни свое покаяние с малого: поведай про тайну стражей.

Я, наверное, уже полная развалина. Десятки раз сломлен непрекращающимися пытками; голодный и невыспавшийся; потерявший всякую надежду на выход из этого мрака. Но даже у развалины есть право на протест или на последний плевок в лицо. Бесполезно молчать, бесполезно отвечать — не осталось у меня больше никакой надежды. Сгнию здесь — выхода нет. Так что хватит умолять или оправдываться: останется лишь ругаться... другого способа для выражения недовольства мне не оставили...

— Хорошо, начинаю каяться. Начну с того, что я, будучи голодным, зарезал твоего родного папашу и сделал из него жаркое на углях. Я не людоед — ведь папа твой был боровом. Боров, если кто из присутствующих вдруг не знает, — это свинья мужского пола. Их кастрируют, чтобы пожирнее и поласковее были. И вас, свиней, я тоже прирежу — обещаю. Завинчивайте свой валенок побыстрее — хоть все кости переломайте, но я все равно до вас доберусь. Слово даю. Как тому солдату дал, который без причиндалов остался. Он ведь тоже думал, что в полной безопасности за крепостной стеной, а теперь поет фальцетом. Вот и вы у меня запоете...

— Правый на пять оборотов.

На этот раз повезло: сознание наконец смилостивилось — погрузилось во тьму.

* * *

Сознание я в последнее время теряю нередко, и еще в первый раз узнал: оно лишь от боли передышку дает. В остальном отдохнуть не получится — проблемы у меня возникают даже в небытии. Вот такой я невезучий... Если как нормальный человек засыпаю, то и сплю нормально (правда, недолго — не разрешают, да и неудобно на холодной стене этим за-

ниматься); а если инквизиторы перестарались, то приходит очередь новых неприятностей.

Вдруг произойдет чудо и я выберусь из этого подвала, то трудно будет диктовать Зеленому отчет по проблемам, с которыми теперь сталкиваюсь после потери сознания.

Не потому что попугая еще найти надо, если он жив остался. Просто нет слов.

Темнота. Нет звуков; нет запахов; нет ничего. И есть ощущение, что где-то когда-то это уже видел. Но где — не вспомнить. И еще кое-что неприятное чувствую: рядом, в считанных миллиметрах, разверзлась бездонная пропасть. Хотя про миллиметры я загнул — расстояний здесь тоже нет.

Зато здесь есть кое-что другое, в этой пропасти.

Он и она? Или оно? «Что» или «кто»? Без разницы — ЭТО не обидится, даже если штопаным презервативом его назову... если вдруг сподобится на общение. Пока что такого не случилось — наши диалоги к полноценному общению отнести трудно. Поначалу вообще без информационного обмена обходилось — он будто прессом давил из своей пропасти. Вытряхнуть из тела хотел. Уж не знаю, что со мной сотворили епископ еретиков и Арисат, но инквизитор, похоже, в чем-то прав — к гибели души путь открыли. Я человек не сказать чтобы сильно уж верующий, но точно знаю — душа существует. И ее даже пересаживать можно в другие тела. Если так, то и выгонять из них, наверное, тоже можно. И вот этот некто, который в пропасти занял позицию, и решил выгнать.

Не обломилось ему ничего. По простой причине: он столкнулся с профессиональным захватчиком тел. Ну или с совсем дилетантом. Опыт бесплотного существования и захвата организма у меня имелся — когда сюда забрасывали, потренировался. Не помню самого процесса, но, наверное, это все же помогло... И не помню деталей нашей битвы — видимо, подсознание бережет хрупкий разум от опасных воспоминаний; но точно знаю — победил тогда. И все, сидит теперь этот некто в своей бездне тихонечко.

Но стоит мне потерять сознание, как сразу высовывает нос... жадно принюхивается... будто все еще на что-то надеется.

— А не пошел бы ты отсюда вон! — решаю я начать новую попытку диалога.

Все равно здесь общаться больше не с кем, да и делать нечего, а опыт подсказывает: чем дольше продержусь в темноте, тем больше отдохнет истерзанное тело. Ночью застенки инквизиции не работают, так что дневные часы надо убивать любыми доступными способами.

Отдых мне очень нужен — у меня его, по сути, уже несколько месяцев не было. С того самого дня, когда узнал о медицинском приговоре.

И выходных не было тоже...

Молчит. Ну и ладно, не очень-то он мне и нужен... займусь обдумыванием сложившейся ситуации. Хотя что здесь можно обдумывать: в заднице я — такой же бездонной, как эта непонятная пропасть. И выхода из нее не наблюдается...

Вот мы и подумали...

— Ресурсы тела на исходе.

Если бы в этом состоянии можно было вздрогнуть — быть мне со сломанной от сильного рывка спиной. Как всегда, неожиданно, и как всегда, не в ответ на вопрос, а нечто свое выдал.

Ну что ж — не хочет обсуждать тему «пошел вон!», значит, поговорим о том, что ему интересно.

— И что ты этим хотел сказать?

— Тело истощено; ресурсы ограничены; попыток обновления ресурсов не зафиксировано на длительном временном промежутке.

— Ну спасибо! А я и не знал! Меня уже целую вечность не кормят, а попить удастся только во время пыток водой. Оказывается, тело от этого истощается. Надо же — сколько новостей ты сегодня выдал...

— Тело серьезно повреждено. Расход ресурсов при глубокой регенерации максимален. Без обновления ресурсной базы ресурсы истощаются. Если тело не получит ресурсов, глубокая регенерация станет невозможной. Отказ первичной и поддерживающих систем. Некроз отключенных участков. Необратимые процессы. В настоящий момент ресурсы на регенерацию изыскиваются из резервов второстепенных и первичных систем организма. Они на исходе. Надо обнару-

жить ресурсы и начать их обновление — иначе тело получит необратимые повреждения. Деградация мышечной ткани. Некроз. Необратимая порча тела.

— И чего это ты так о теле моем заботишься? А?

— Тело ценное. Тело представляет повышенный интерес. Тело имеет подключение к биологическому банку данных. Происхождение банка данных неизвестно. Также имеется чужеродность неустановленной природы. Имеется сбой информационной матрицы. Подключение имеет ценность. Происхождение банка данных представляет интерес. Интерес может привести к ценности. Причины сбоя интересуют. Ценность тела — причина моего нахождения здесь. Имеется интерес в сохранении ценности. Необходимы ресурсы. Без ресурсов тело потеряет ценность в краткосрочной перспективе.

— То есть ты здесь специально меня караулишь?

— Терминология неверна. Существовать в одиночку; наблюдать; находиться автономно, в отрыве от основного канала. Перспектива подключения к биологической базе данных. Перспектива имеет информационную ценность. Без тела перспективы не существует. Для сохранения целостности ценного тела необратимо сняты все блокировки симбиотической системы. Работа системы неконтролируема вследствие снятия блокировок. Необходимо в краткосрочной перспективе найти ресурсы для включения механизма обновления. Это первичная задача.

— Тебе тело мое надо спасти? Так?

— Сохранение целостности. Сохранение канала подключения информационной матрицы. Последующая блокировка сбойной информационной матрицы. Замена симбиотической системы на аналогичную систему с неизменными настройками и стандартными блокировками.

— Мое тело в данный момент пытаются. Ломают кости. Я так понимаю, мои новые способности, вызванные нашим с тобой знакомством, могут легко справиться с этими повреждениями, но для этого телу нужно полноценное питание. Если его не кормить, то, залечивая травмы, оно пожирает само себя. Так?

— Терминология некорректна. Использование материала

второстепенных и резервных систем. Использование резервов прочности основных систем. Блокировки сняты. Симбиотическая система работает в состоянии критического разгона. Нестабильность. Невозможность контроля. Необходимы ресурсы.

— Я к стене прикован. Цепями железными. За руки. Ногами еле-еле до пола достаю, причем ноги тоже скованы. Кормежка здесь не ресторанный, да и пытаются иногда. Точнее — каждый день. Не сегодня, так завтра резервы уйдут в минус, и останешься ты без перспектив на подключение к этому загадочному каналу биологических данных. Так что давай объясняй: как мне выбраться из этого веселого подвала?

— Нехватка данных. Отсутствие возможностей для воздействия на ситуацию. Контроль над симбиотической системой утерян безвозвратно. Следствие постороннего воздействия на систему. Для осуществления воздействия на ситуацию необходим доступ к телу. Для поиска решения необходимо предоставить доступ к телу.

— Ага! Вот возьму и прям все предоставлю! Щас! У прабабушки столетнего ишака доступ к телу проси: дурак здесь только один, и это не я!

— Нехватка данных. Необходима дополнительная информация по прабабушке столетнего ишака. Отсутствие понятийной связи. Без дополнительной информации невозможно установить контакт. Невозможность установления контакта приводит к невозможности запроса доступа к ценному телу.

Слов здесь нет — я вообще не представляю, как мы общаемся и понимаем друг друга, но теперь окончательно осознал: загадочный «темный» не столь страшен, как кажется. Дурак он, как я и сказал. Или мы с ним слишком разные... может, он меня тоже за идиота принимает?

— Слушай... ты. А тебе не кажется, что мы друг друга временами не понимаем? Тот, кто сидел в теле Йены, общался почти нормально. Начни он такую ересь нести — его бы в четверть секунды разоблачили. Я думал, что это ты и был, — ведь сердце черное мне от нее досталось, как понимаю. Но теперь вот думаю, что не было там тебя: она говорила нормально, а не так. Но тогда откуда ты вообще взялся?

— Блокировка информационной матрицы. Стандартная симбиотическая система с активными блокировками. Слепок матрицы как маскировочная функция. Второстепенные функции матрицы как средство усиления маскировки. Знание биологических и социальных особенностей вида как средство усиления маскировки. Тело имело ценность. Особые функции. Исследование причин возникновения редких функций — задача исследования. Контроль за локальной популяцией носителей — вторичная задача. В локальной популяции возможно развитие редких функций за счет механизма наследственности. Задача исследования не выполнена. Сбой маскировочной оболочки. Дестабилизация блокирующих систем, вызванная агрессивным внешним воздействием неизвестной природы. Нарушение контроля. Потеря тела. Вторичная задача не выполнена. Популяция покинула контролируемую зону. Повреждение симбиотической системы. Повреждение системы связи. Некорректная смена носителя. Обнаружена новая цель. Ценное тело. Тело находится в деструктивной обстановке. Возможна потеря ценного тела. Потеря ценного тела сделает исследование невозможным. Вынужденное отключение блокировок. Разгон симбиотической системы. Исчерпание резервов. Необходимо найти ресурсы. Рекомендую предоставить доступ к телу.

Нет, не может это создание быть настолько глупым. Так ловко всех дурачило и вдруг превратилось в тупой компьютерный автоответчик. Не понимаю я его, а он меня. Думаю, система перевода, так выручившая поначалу в этом мире, сейчас дала сбой. Переводить переводит, но некорректно, вроде того же компьютерного переводчика, причем не самого продвинутого. Столкнулась с чем-то настолько чуждым, что начала чудить — будто с перегревшимся роботом из дешёвого фильма общаюсь.

— Похоже, мы друг друга не понимаем...

— Видовая система коммуникации работает некорректно. Каналы связи нестабильны. Конфликт образов и понятий.

— Это я уже понял.

— Необходимы ресурсы.

— И это понял...

Молчим. Поговорили, и хватит. Диалог, при всей его примитивности, наводит на размышления, но размышлять не хочется. Конечно, интересно разузнать о голосе из пропасти побольше, вот только ситуация не располагает. Мне сейчас о другом думать надо...

У меня молодое здоровое тело, получившее полезное дополнение: легко переносит даже очень тяжелые ранения. Я фактически умирал, но тем не менее выжил, а от ран, похоже, и следа не осталось. Хотя не уверен — может, на фоне пыток таких мелочей не замечаю.

Я — почти бронированный робот, но гнию здесь заживо.

Надо что-то придумать... Что? Порвать цепи? Загипнотизировать инквизиторов? Пробить стену затылком? Что?!

Думай, Дан! Думай!

Подумать не дали — очнулся.

* * *

Глаза открывать не хотелось, да и не стоит этого делать, если тебе в лицо водой брызгают: воду здесь не всегда для хорошего применяют.

— Сейчас, ваша милость, — очнулся уже почти.

Голос знакомый — это тот самый разговаривавшийся сегодня палач.

— Да он сдох, похоже.

А этого голоса вообще не знаю: уверенный в себе, чуть презрительно-брезгливый. Так бы говорила жаба, вырасти она до размеров лошади.

— Не, он живучий. Его хоть пилой распиливай — не помрет. Это же страж, да еще и сердце черное получивший. Видели бы вы его раны, когда к нам попал, — печень со спины усмотреть можно было. А сейчас и следа от той раны не осталось — только шрам розовый.

— Вижу я, что новые отметины у него появились.

— Так ведь это дознание — без такого никак. Все равно заживает быстро. Вон, на руке левой ногти вырвали, а они уже заново начали расти.

— А ноги ломать кто разрешил? Такие увечья позволяют-

ся по приговору светского суда, а не церковного. И где светский суд? А?!

— Ваша милость, я ведь человек подневольный. Что господин инквизитор говорит, то и делаю. Вы уж у него спросите, кто на подобное разрешение давал.

— Без тебя знаю, у кого и что спрашивать!

— Простите, ваша милость!

— Совсем обнаглели! Здесь вам не империя — здесь калечить только король право имеет или слуги его, по слову королевскому! Без суда даже вам это не позволено! С Цавусом мы разберемся, но и сам в кустах не отсидишься — знал ведь, что не дозволено, но делал.

— Не губите! Ваша милость, он приказал!

— Да не хнычь бабой — давай, расшевеливай его... вы это умеете... паскудники подвальные...

Грубые ладони энергично растерли уши, пощипали мочки, а затем к носу поднесли что-то настолько едкое, что до пяток пробрало.

Пришлось открыть глаза... и тут же зажмуриться вновь. Подвал был освещен просто по-праздничному: двое мужиков в кожаных доспехах замерли с факелами у двери, суетливый палач со светильником в руке тычет вонючую тряпку в нос, и еще три светильника по углам развешаны. Лишь один из присутствующих не участвует во всей этой иллюминации: дородный коротышка с тройным подбородком, стоящий рядом с мучителем. Одна рука на рукояти кинжала в богато инкрустированных ножнах, второй гордо подпирает раздутую поясницу. Приедет так, что сэр Флорис, ныне покойный сюзерен бакайцев, в своем лучшем прикиде на его фоне казался бы обитателем помойки. Куда ни плюнь, или в меха попадешь, или в позолоту, или в стразы.

— Ваша милость! Очнулся! Я же говорил — ничего ему не станется! — Палач проговорил это с нескрываемой радостью.

— Без тебя вижу. Ну и как мы его теперь забирать будем?

— Чего? Как это — забирать?

— Как забирать! Ты болван, что ли, — не знаешь, как забирают?! Берут и забирают!

— Но инквизитор...

— С твоим инквизитором разговор особый будет! Позже! Как и с тобой! Сколько этот еретик у вас провисел? А?!

— Так мне это неведомо — я дни не считаю, да и ни к чему это мне по службе знать.

— Вот за глупость кнута и отведаешь! Некоторые вещи знать надо обязательно! Вторая неделя давно уж пошла, как он у вас закрыт, а обвинение суду до сих пор не предоставлено. Ни слова о нем вообще — будто не было такого человека. Не говоря уже о том, что членовредительством здесь без судебного соизволения занимаетесь. Раз так, то теперь он суду переходит, и уже суд, именем короля, решать будет. И скажи мне, морда тупая: как он теперь пойдет на этот суд? На сломанных ногах? А?!

— Так надо подождать, пока заживут, — на нем все быстро заживает, да и ломали мы с умом — аккуратно и бережно.

— Ну и придурок же ты! Так! Бери моих солдат, хватайте этого обломьша — и тащите. Там во дворе тележку видел — вот на ней в темницу королевскую и отвезете.

— Так это... надо бы дозволение инквизитора получить.

— Инквизитор самолично, что ли, тележкой распоряжается?! Бог ты мой! Да что ж такое у вас на тележке этой возят? Алмазы? А?!

— Мусор из камер и дерьмо — в подворье золотарей своим, ниже по улице.

— Морда твоя лживая, не рассказывай, что без инквизитора к этой вонючей колымаге прикасаться нельзя! Если ты еще раз попробуешь что-нибудь не то вякнуть, то прокатишься на ней сам. В то самое подворье или даже в ров городской. Дело уже к вечеру идет — меня ужин ждет, а я здесь с вашим идиотизмом разбираться должен.

— Понял, ваша милость, не повторится. Сейчас — только в колодки закуем и отвезем в целости и сохранности.

— В колодки? И ты всерьез думаешь, что он способен сбежать?! И где только инквизиторы таких болванов находят...

— Не знаю, способен или нет, а Барука он третьего дня, когда тот ему ноготь сорванный варом замазывал, так за ладонь ухватил и рванул ловко, что запястье сразу переломал. И это в беспамятстве. А в памяти что сделать может, так и страшно подумать... Силищи в нем как у пары быков. Сердце

черное — не шутка: в Империи за одно прикосновение к нему на сухой кол посадить могут, а ведь это неспроста. Кнут со свинчаткой по такому делу как благо принимают — легко, стало быть, отделался.

— Здесь вам не имперская земля — здесь у нас народ не трусливый и все всегда по закону делает. Ну а кто не делает, того мы... Пошевеливайтесь, беременные слизни: мой ужин стынет! Я, если холодное ем, злюсь очень, а когда я злюсь, то нехорош делаюсь. Так что не стой с разинутым ртом!

Глава 2

ОТ ПЕРЕМЕНЫ КУТУЗОК КОЕ-ЧТО МЕНЯЕТСЯ

На Земле мне доводилось много на чем покататься: на сверкающих «мерседесах» и ржавых «копейках»; на грузовиках и велосипедах; на реактивных самолетах и старом вертолете; и даже на дорогой яхте. Здешняя цивилизация до машин еще не додумалась: натирал зад о седло, раскачиваясь верхом на дорогом боевом коне; отлеживал спину на жердевом тележном дне; на бревне сухом одиссею неслабую совершил по морю — тоже своего рода транспорт.

Я видел залитые светом мегаполисы Земли и ее теплые моря с пальмами по берегам; здешние лесные поляны, окруженные смертью, и реки, окруженные тем же самым. Сегодня я впервые увидел город чужого мира. У меня не было «мерседеса» или боевого коня, а продвижение по узким сумрачным улочкам менее всего походило на парад триумфатора. Тележку тянули два палача — в честь торжественного случая оба позабыли про игру в молчанку и матерились столь профессионально, что, окажись здесь Тук, — покраснеет. Запах от повозки шел специфический — он не оставлял простора для размышлений об ее основном предназначении. Почетный эскорт в количестве трех низкорослых солдат лениво переругивался с прохожими, ничем более не мешая им метко в меня плевать.

Похоже, весь город собрался «оказать честь» презренному колоднику — народу было на удивление много. Будь это на-

стоящий мегаполис — не удивился бы. Но где в этих двух- и трехэтажных серых домишках столько размещается? Или мы на самой оживленной улице, что, учитывая ее убогость — вряд ли; или со всех окраин ради меня сбежались. Скорее все же последнее — проезд столь узкий, что крыши почти смыкаются, скрывая мостовую от солнца: не похоже на центральный проспект.

Тележку трясло немилосердно — видимо, под колесами неровная брусчатка. Клясться в этом не могу — лежу на спине, и подвижность сильно ограничена парочкой досок, меж которых просунуты руки и голова. Те самые колодки — простенькая конструкция, но на удивление эффективная: даже с ногами в побег не уйдешь, а уж без них...

С ногами совсем плохо — инквизиторские палачи позвонили цепями, почесали затылки и отказались от идеи использовать кандалы. Да и без них понимаю: от танцев пока что придется отказаться. Зато почти не болят... только ноют противно и одеревенели.

Остановились. Палачи и солдаты хором заругались на кого-то, требуя немедленно открыть ворота. В ответ их обматерили не менее профессионально и, судя по звукам, все же завозились с запором.

Особо обнаглевшие зеваки воспользовались сумятицей и подобрались поближе. Склонилась пара рож — одна сочно плюнула в лицо, вторая горячо прошептала в ухо:

— Крепись, брат! Не поддавайся псам смертных! Черный владыка уже рядом — Ортар вот-вот падет! Недолго нам терпеть осталось!

Что он несет? Или у меня бред начинается?

Опомнившиеся солдаты прекратили перебранку, матом и древками копий отогнали народ. С противным скрипом раскрылись невидимые из моего положения ворота, тележка медленно развернулась, чуть проехала, остановилась.

— Что за принца в золоченой карете вы притащили?! — Опять незнакомый голос.

— Приказ его милости барона Каркуса. — А это уже голос моего палача. — Приказано к вам его привезти, запереть к колодникам в камеру.

Тот же незнакомый голос высказал в адрес барона Карку-

са длинное критическое замечание, из которого в порядочном обществе допустимо произносить лишь точку в конце предложения. Палач в долгу не остался — ответил столь же грубо, после чего разгорелась очередная перепалка. Здешние хозяева наотрез отказывались принимать меня на ночь глядя, а подручные инквизитора, мягко говоря, не горели желанием тащить назад.

Пока они препирались, я впал в полудремотное состояние: боль опять накатила, да и устал что-то. Хотелось лежать и лежать на мягком тележном дне и не задумываться о материальных причинах этой подозрительно липкой мягкости.

В себя пришел, когда меня начали выгружать. Парочка палачей без тени нежности ухватила за колодку, потащила меня по брусчатому двору. Ноги при этом волочились по камням, и я мог легко сосчитать все булыжники по вспышкам нестерпимой боли. На мои стоны и крики внимания обращали не больше, чем на чириканье вездесущих воробьев, и лишь за дверью в сумрачном коридоре один из палачей почему-то начал возмущаться по поводу моих деревянных «наручников».

Несмотря на оглушающую боль, едва не ввергнувшую меня в очередное затяжное забытие, я понял, что возмущаются отнюдь не по причине внезапно пробудившегося гуманизма. Просто колодки — подотчетное имущество, и он намеревался утащить их с собой. Хозяева здешней каталажки, наоборот, стремились их замутить и наверняка впоследствии использовать для личных садистских надобностей. В ходе разбирательства меня вообще на пол бросили, ничуть не озаботившись сбережением переломанных ног.

От боли я на некоторое время выпал из реальности и вернулся, когда колодки уже сняли. Чей-то сварливый голос заканючил:

— И что нам с ним теперь делать?

Палачи, уже убираясь, в крайне нетактичной форме предложили обладателю сварливого голоса вступить со мной в противоестественную связь. К счастью, он оказался не настолько морально испорченным: выругался напоследок, вздохнул, позвал кого-то невидимого:

— Колодки не тащи — не поставим мы его. Помрет до

утра, если опираться на раздробленные ноги придется. А спрос с нас будет — до смерти доводить указаний не давалось. Так что доставай ручные кандалы — и к стене его приковывай, к колоднику.

— Так там кольца уж лет двести не трогали — проржавели небось совсем, — издалека отозвался очередной незнакомец. — Колодные кольца на потолке — там посуше: может, к ним его?

— Сбежит он, что ли?! Ты на ноги его взгляни — пальцами назад смотрят. На колодных цепях сесть не сможет — коротки они. Хочешь — сам наращивай, время трать. Только я бы плюнул — никуда он отсюда не денется. Да и стенные кольца на совесть сделаны: их и здоровый не вытащит.

В коридоре посветлело, кто-то плечистый, бородатый нагнулся, подсветил факелом, цокнул языком:

— Ноги его собаки теперь жрать побоятся. Это где ж его так приголубили?

— В старом поповском подвале обули чуток не по размеру. Давай кандалы тащи, а то до ночи провозимся. Пиво ждать не может — забыл, что ли?

— Я про такое никогда не забываю. Волоките его, я мигом сейчас обернусь.

Опять тащат по полу, опять боль, хрипы в истерзанных легких вместо криков и сухая резь в глазах — слезы уже не льются.

Сперва какая-то каморка с наковальной посередине. Там на руки быстро надевают ржавые обручи кандалов, заковывают их, даже не подумав раскалить штифты. Холодными — торопятся. Рабочий день у пролетариев застенка заканчивается, и где-то в городе их ждет пиво. Господи, все бы отдал за кружечку или хотя бы хороший глоток... Хотя что я могу отдать? Ничего...

Опять тащат по полу — разбередившиеся травмы добираются болью уже до самой поясницы. Еще метров двадцать такого пути — и больше меня пытать никто не сможет: помру ведь.

Остановка, лязг засова, ноги тащатся уже по чему-то относительно мягкому (хотя все так же больно). Стук молотков по железу, удаляющиеся шаги, опять шум засова. Тишина.

Неужели я один? Оставили в покое? Даже не верится в такое счастье.

Хочется забыться, отключиться до утра, но не время предаваться слабости — как бы ни было хреново, надо оценить обстановку. А ведь обстановка изменилась кардинально. Если раньше она была полностью безнадежной, то сейчас...

А вдруг есть шанс на побег?

Ага, выроешь ложкой (которой у тебя нет) подземный ход и на коленях поскачешь галопом... граф Монте-Кристо выискался...

Квадратная комната с массивной деревянной решеткой вместо дальней стены скудно освещается отблесками света с другой стороны. Похоже, нахожусь в одной из камер, а за решеткой коридор. Мебели не имеется — сижу на полу, прислонившись спиной к холодной влажной каменной кладке. Подо мной что-то мягкое: трогаю рукой — свалывшаяся солома. В углу темнеет нечто непонятное — вроде огромной буквы «Г», легонько раскачивающейся на длинных цепях, свешивающихся с потолка.

Что-то в этом предмете мне не нравится. Напрягаю глаза, пытаюсь понять, что же это такое. Проклятая темнота... И, уже почти догадавшись, вздрагиваю от хорошо знакомого голоса:

— Добрый вечер, Дан.

* * *

У меня в этом мире не так уж много знакомых, а еще меньше тех, которым я хоть в какой-то мере могу иногда доверять. Из последних стоит выделить бакайского воина Арисата и епископа-еретика Конфидуса. Встретить последнего в застенке — удача невероятная.

Хотя, если подумать логически, — где шансы встретить еретика максимальны?

Когда схлынула первая радость от встречи, понял, что радоваться пока что нечему.

— Епископ, что они с вами сделали? Я ничего не могу рассмотреть в этой темноте, да и со зрением неважно у меня сейчас, и не только со зрением...

— Пока что ничего. В колодки заковали и подвесили. Вот вишу теперь, ногами потихоньку перебираю — разминаюсь, иначе затекает все, а как отходит — болит нестерпимо.

— Расскажите же: что там было? Я про бой. Многие спаслись? Я ведь почти ничего не видел тогда.

— Не переживайте, Дан, мы победили. Хотя потрепали нас изрядно: из всей дружины с коней лишь пятерых не ссадили. Но бакайцы живучи как кошки — обязательно выкарабкаются. Убитых среди них немного. Солдаты выручили, что из крепости выбрались. Да и темные как-то бестолково дрались, а уж после того, как вы обоих баронов упокоили, и вовсе у них вяло дело пошло...

— Обоих баронов?

— А вы не помните?! Старого из самострела своего подстрелили. Ох, и сильно получилось: болт ему забрало пробил — и из затылка наполовину вышел. Когда шлем попробовали стащить, он снялся с половиной головы — раздробило ему ее. Хитрый у вас арбалет, очень хитрый. По виду и не скажешь, что у него такой сильный бой. А младшего вы изрубили — снесли ему голову с плеч мечом своим игрушечным. Но и он вас достал... сильно достал. Не будь черного сердца... Вы почти мертвый уже были — кровь даже сочиться перестала... вся вышла. Не было у нас другого выхода.

— А Зеленый?! Где мой попугай?! Живой?!

— А что ему станется! Живой... Когда видел его в последний раз, он больным прикидывался, чтоб налили побольше. Пьет ваша птица будто лошадь после долгой скачки, причем не воду.

— Где он?

— Эх, Дан, да откуда я это знать могу, здесь сидя?

— Верно... И как же вас сюда заперли?

— Когда церковная стража пожаловала, да еще и с воронами имперскими, так меня первым делом в кандалы — обычай у них меня заковывать при любом случае. А вас забрали беспамятным. Причем так хитро это провернули, что никто и пикнуть не успел — перед этим с солдатами всех перемешали, а ополченцев и дружинников отослали подальше, дорогу, мол, проверить. В стольный град говорили нам идти, к королю самому, чтобы Кенгуд самолично решал дело о нашем

уходе из ссылки, но при этом почему-то не торопили. Я, конечно, подвох подозревал, да только что поделать мог... Где это вам так ноги попортили?

— В подвале вашей уважаемой инквизиции.

— Вот же Хорек!

— Не понял?

— Да я о Цавусе — святой страж священного ордена карающих. Он здесь церковным трибуналом заправляет — глава имперского воронья. Тощий, лицо будто лимон испачканный, сутулый, вечно молится при пытках.

— Да, он там за главного был.

— Вас уже успели осудить?

— Нет... Точнее, не знаю — не помню, чтобы суд какой-нибудь был. Висел все время на стене.

— Хорек... не имеет он права так ноги калечить без суда королевского.

— Да... что-то такое уже слышал. Но не думаю, что у него серьезные проблемы будут из-за этого.

— Да... с воронами даже король ссориться не осмелится... Здесь, в столице, трогать их рискованно — все ведь на виду. Но зря он так: Кенгуду такое дело очень не понравится, если узнает. А он узнает — в городе ничего не скрыть. Зря Хорек на власть королевскую наплевать осмелился, ему это припомнится еще.

— Конфидус, а что это за место?

— Тюрьма городская. То крыло, где до суда держат. А что?

— Да ничего — просто всегда полезно знать, куда попал.

— Теперь знаете. Я в таких делах не ошибаюсь — не первый раз здесь.

— Не удивлен — при ваших взглядах и положении удивительно, что вообще на свободе бываете.

— Да какая там свобода... земли-то опоганенные... ссылка гиблая.

— И что дальше?

— Вы о чем?

— Что дальше будет с нами?

Помолчав, Конфидус вздохнул:

— Трудно сказать — не я ведь решаю. За что ноги искалечили? Чего от вас хотели?

— Епископ, я признался во всех смертных грехах, но им этого мало оказалось. Они сильно хотели, чтобы я тайну ордена стражей выдал.

— Сердцами черными интересовались?

— Да.

— Ишь как высоко берут... Ловко... На богом забытой границе умыкнули полуденного стража, а потом в пыточный подвал его закрыли... В другом месте такое не очень-то пройдет, а в таком вот мелком королевстве запросто. Очень уж лакомый кусочек — с вашими знаниями карающие могут сильно возвыситься. Очень сильно... У них и без того влияние побольше вашего давно уже... Вы им рассказали?

— Нет.

— Мысленно преклоняю перед вами колени: нельзя извратителям божьего учения такое рассказывать.

Вздыхаю, качаю головой:

— Если бы знал, рассказал. Но не знаю я...

— Вас не посвятили в тайну?! Но почему вы тогда не переродились? Или... нет...

— Я похож на перерожденного?

— Нет, но они мастера такое скрывать, а я не птица стража — нет у меня чутья на исчадия Тьмы.

— Хорошо. Давайте считать, что я перерожденный, если вам так удобнее.

— Святые защитники! Спасите и...

— Стоп! В другой раз помолитесь! Пока что давайте рассказывайте: что нам здесь грозит?

— Дан... я хочу верить, что вы старый Дан! Больше не шутите так. Пожалуйста. А что грозит... Если карающие решились на подобное, то таких, как мы, оставлять в живых им не с руки. Не дадут нам до суда дожить — суд ведь и оправдать может, особенно если Кенгуд всерьез разозлится на них за самоуправство. Когда все узнают, что Цавус велел покалечить стража полуденного, да еще не кого попало, а именно вас... Вы ведь, как ни крути, герой теперь здешний — вывели почти всех из места гиблого, да еще и погань при этом хорошенько потрепали. Военные после боя почти сразу набег на Мальрок начали затевать — замок проклятый без защиты ведь остался. Ну или ослабла его защита сильно. С мелочью

разной они легко управятся — это ведь не настоящие пере-рожденные. Может, и получится у них теперь очистить Межгорье. И за это вас благодарить надо — все вы сделали. Так что здесь вам почет и уважение, а с орденом вашим ссориться Кенгуду не нужно — неподсудны ведь вы. С карающими, конечно, тоже надо осторожно себя вести, вот только нет у них здесь великой власти — не стоило Хорьку без суда увечья вам причинять. Будь вы простым мещанином или дворянином из мелких, еще куда ни шло, а страж полуденный — совсем другое дело. Нет, Дан, не выпустят нас карающие. Буду удивлен, если рассвет следующий увидим. Им надо нам быстрее рты позакрывать, пока мы жаловаться не начали на такое самоуправство. А жаловаться мы только утром начнем, когда смотритель пройдет с обходом — покажете ему ноги и все доложите. Тут-то шум и поднимется сразу. Но сейчас вечер, и никого, кроме надзирателей, здесь не будет. Удобный момент, чтобы успокоить нас навеки.

Епископу я поверил сразу: в таких вопросах ему можно доверять безоглядно — опытный сиделец. Да и объяснил все очень логично, в сжатой и понятной форме. Ну что ж, выход у нас один:

— Конфидус, инквизитор еще не знает, что меня перевели. Его не было при этом. Но быстро узнает... Бежать нам отсюда надо. Срочно.

Епископ смешливо фыркнул, иронично поддакнул:

— Дан, ну разумеется. Только сильно быстро не бегите — я на своих старческих ногах могу отстать, да и колодка моя цепляться будет за все углы.

— Вам на старческие немощи жаловаться рановато. Давайте без шуток: надо бежать, причем быстрее. Не знаю как вы, а я тут подыхать не хочу.

— Дан, вы всерьез думаете, что я мечтаю умереть в этой грязи от лап церковников или их подсылов? Но как сбежишь? Я закован в колодки — их не открыть без посторонней помощи. Вы в этом деле не помощник — голыми руками не справитесь, да и цепи ко мне не пустят. Даже если чудом освободимся, то все равно не выберемся: решетка крепкая, а засов там хитрый — изнутри мы его не отодвинем никак.

— А если мы все же выберемся в коридор?

— Да вы фантазер... Ну если выберемся, то, возможно, сумеем уйти. По нему, я заметил, вглубь бадейки таскают — выливают куда-то. Под такие бадейки слив должен быть широкий, а мы с вами не толстяки — в отверстие как-нибудь пролезем. Попроberемся по нему в траншею для нечистот, а уж по ней куда-нибудь да уйдем. Или нагло через двери попробуем прорваться. Мне вера не позволяет людей калечить, а вам все можно. Там один или два тюремщика на ночь остаются — вряд ли больше. Справиться можно попробовать.

— Они с оружием, а у меня руки голые. Так что без вашей помощи не обойдусь.

— Но моя вера не позволяет...

— Господин епископ, насколько я понимаю, выше вас никого у еретиков не осталось. Такими темпами ваша паства скоро останется без пастыря и совсем падет духом. Мне кажется, настало время подумать о реформе церкви. Вашей церкви.

— Дан! Да как вы можете такое говорить! Она уже век стоит на столбах истинных догм несокрушимых, и...

— Епископ, реформа! Я сказал — реформа! Только реформа, и все! Причем первым делом надо отказаться от всего, что касается непотворения злу насилем. Вреда от этих заблуждений много — давайте будем считать, что вы уже отказались. К тому же мне помнится, что при необходимости вы очень даже хорошо умеете мечом помахать — старые навыки не позабылись.

— Дан... Будь это в старые времена, я бы и сам со стражей разделался, но сейчас...

— Если вам так противна идея реформации, давайте вы обдумаете ее в более позитивной обстановке. А сейчас, хотя бы временно, верните себя старого — нам нужен головорез, а не трясующийся святоша. Если умрете, умрет вся ваша вера — не осталось больше у иридиан лидеров. Вы последний. А вот у карающих, думаю, лидеров достаточно — додавить вашу травоядную паству хватит. Подумайте об этом. Только долго не думайте: времени у нас немного.

Конфидус, качнувшись на цепях, изменившимся голосом, будто через силу, произнес:

— Да, вы правы. Лучше взять грех на душу, чем бросить

паству на произвол судьбы. Не выжить им без меня, ох не выжить... задавят попы вконец... — Затем вкрадчиво-заговорщицки добавил: — Стражники местные — народ хлипкий, парочку на себя легко возьму, а больше вряд ли в дверях окажется. По молодости я, было дело, четверых раскидал руками голыми.

— Вот и вспоминайте молодость. Срочно вспоминайте.

— Ох и дураки мы с вами оба! — воскликнул епископ. — Какие стражники?! Какие двери?! Я в колодках, вы в цепях, с ногами покалеченными! Куда вы собрались, да еще и меня своими глупостями за собой потянули?!

— Бежать я собрался, с вами вместе.

Епископ издал неопределенный звук, в котором смех, отчаяние и разочарование смешались воедино.

— Конфидус, не надо так нервничать. Да, у нас есть проблемы, и сейчас мы начнем их решать. Только не все вместе, а по одной — так гораздо эффективнее.

— Ну-ну...

— Начнем, пожалуй, с ног — это серьезная помеха нашим планам. Их надо срочно подлечить.

— Дан, не хочу вас сильно разочаровывать, но после железных сапог ноги лечатся не так быстро и не всегда. Даже если сразу оказать помощь, не каждый раз удастся их сохранить. Очень часто они вонять и чернеть начинают — если бедолага сразу не умирает от дикой боли, то гниль доходит до сердца, и тогда точно конец. Спасти можно, если вовремя отрубить их хорошим ударом топора или двуручника и культы прижечь кипящим маслом. Но если даже не загниют, то зарастают очень долго, а когда зарастут, все равно человек хромым остается. Переломов много — плохо такое лечится. Некоторые косточки превращаются в труху.

— Спасибо за информацию. Дайте мне час-два — постараюсь встать на ноги.

— Это как?!

— Не мешайте. Если я буду стонать или даже кричать, не обращайтесь внимания. Болезненное это дело, но куда деваться...

— Не хочу даже знать, что вы удумали. Опасаюсь, что вера моя этого не одобрит.

— Эх, мне бы поесть хорошенько — сил почти не осталось. Ну да ладно... пожелайте удачи... может, и хватит...

Еретик начал поспешно молиться, причем я почти ничего не различал из его скороговорки. Что-то про грешные души, Тьму и исчадий ада, грешные тела ворующих с целью последующего изощренного разврата. И про муки адские за такие дела тоже что-то проскакивало.

Вероятно, молился о моем здравии.

Часа два адских мук мне и без молитв гарантированы. А может, и больше...

* * *

Я проделываю это уже не в первый раз. Первый вообще произошел без моего участия: раны, полученные в битве у брода, затянулись сами собой — в сознание при этом не приходил. Даже большая кровопотеря не помешала восстановиться. Одним из приятных бонусов после лечения загадочной спутанно-волокнуистой хреновиной, извлеченной из тела высшего перерожденного, была улучшенная регенерация. В данном контексте лучше писать слово «регенерация» с большой буквы: она того стоит.

По обмолвкам палачей выходило, что от тех ран лишь розовые шрамы остались, а ведь меня жестоко изрубили двуручным мечом. Ногти, вырванные на четырех пальцах левой руки, уже наполовину отросли. При этом я был в сознании (к сожалению) и наблюдал процесс от самого начала. Поначалу было очень больно, но уже через пару минут боль стала вполне терпимой и вскоре бесследно исчезла. Кровь перестала сочиться еще раньше. Через час-другой кончики пальцев начали чесаться, и уже наутро я почти позабыл про увечье.

Ящерицы, отращивающие потерянные хвосты, в сравнении со мной жалкие дилетанты.

Реакцию организма запомнил во всех подробностях. Вот и сейчас она ничем не отличалась: боль быстро стихла (возникла лишь в те моменты, когда мои ноги беспокоили, волола по земле); стопы и голени пылали жаром, начиная понемногу зудеть. Причем самое интересное, что интенсивностью этого жара я, похоже, мог управлять. Заметил это при

разговоре с епископом — стоит немного сосредоточиться на своих ощущениях, и странная теплота нарастает до состояния жгучего огня. Хотя на ощупь кожа остается прохладной, то есть ощущения субъективные.

У меня имелись сильные подозрения, что «температура» зависит от интенсивности процесса заживления. Стоило ее повысить, как мгновенно накатывала слабость. Учитывая истощенность тела, логично. Сил ведь почти не осталось, и увеличенные затраты энергии сказывались на самочувствии не лучшим образом.

А еще я заметил, что при управляемом «нагреве» боль возвращается. Что бы со мной ни проделали епископ с Аристом, но состояние организма настолько плачевно, что при попытке ускорить заживление сил не хватает на блокирование болевых ощущений.

Я не мазохист, но придется сменить убеждения — нельзя терять время. Почему-то почти не сомневаюсь, что ноги излечатся и без болезненного ускорения, но сколько придется ждать? Часы? Дни? Это ведь не ноготки вырванные, все гораздо серьезнее. Если Конфидус не ошибается, нас, скорее всего, еще до утра прикончат постараятся. Средневековье — подкупят стражу и удавят втихаря. Или даже среди стражников свои люди есть. Судя по всему, местная инквизиция по духу ближе не к доминиканцам, а к иезуитам¹, а они ребята предусмотрительные — могли заранее подсуетиться для таких вот случаев.

Прислушиваюсь к ощущению в изломанных конечностях. Вот оно, тепло. Давай же, сильнее... еще сильнее. Вот и жар. Ох, и боль — будто заново ломают... Лишь бы не отключиться — вдруг без сознания процесс замедлится? Нет у меня времени. Потом холодным обливаюсь, зубами скриплю, иногда не сдерживаюсь — стоны вырываются. Епископ в такие моменты начинает молиться еще неистовее.

¹ Д о м и н и к а н ц ы — монашеский орден; в ведении ордена долгое время находились инквизиторские суды. И е з у и т ы — монашеский орден. Был наделен особыми привилегиями — представители его наделялись правом вести светский образ жизни, скрывая свою принадлежность к ордену. Благодаря особенностям морали, системе организации, привилегиям и неразборчивости в средствах имели большое политическое влияние.

Меня его шепот раздражает — в подвале пыточном аллергию на молитвы заработал.

Ладно... молись, иридианин... молись. Молись, чтобы кости срослись за пару часов (а лучше быстрее). Ведь если не получится, плакали остальные мои замыслы. Не уйти мне на сломанных ногах или на сросшихся неправильно.

Под кожей что-то шевелится, потрескивают кости и суставы, ступни на глазах приобретают обычную форму. Боль резко усиливается. Прибегаю к крайнему средству: начинаю неистово мечтать, как в темном переулке успешно подкарауливаю инквизитора. Цавус. Хорек. Внебрачный сын борова. Огрызок кастрированного поросенка. Свиная шлюха. Почетный минетчик нечищеного свинарника. Калолиз в рясе. Я уже рядом, готовься. Ты еще не осознал, на кого руку поднял. За полуденного стража меня принял? Ты очень сильно ошибся: бурундуки линялые, шелухой от семечек на базаре торгующие, — вот кто такие стражи. Не страж я. Я — Дан, диверсант с другой планеты. Меня выбрали из миллиарда, потому что еще там я был круче всех. Я «Тетрис» шесть раз до конца проходил с завязанными глазами. Я спал лежа на гвоздях, в потолок вбитых. Увидев мои бицепсы, Шварценеггер ушел на пенсию; меня в гараже для «КаМАЗов» вместо домкрата использовали; мой член сыграл главную роль в фильме «Анаконда». Меня в секретном бункере научили бриться ногтями и плавать брассом вверх по Ниагаре с наковальней в рюкзаке. И ты всерьез решил меня слить?! Ноги сломал — и рад? Так я тебя сейчас немного огорчу: во всем этом вонючем королевстве не найдется столько денег, чтобы выплачивать тому, что от тебя останется, пенсию по состоянию здоровья. Ты, некрофил пассивный, на обломках тазобедренных суставов будешь ползать, умоляя добить, но я жесток — жить оставляю. Точнее, существовать — называть это жизнью язык не поворачивается. А если ты не скажешь, куда подевал Зеленого... Нет, ты скажешь! Ты мне это в стихах с выражением продекламируешь! И еще всем своим коллегам, импотентам однойцевым, передашь, чтобы готовили максимально большой медный таз: я им буду вас накрывать.

Господи, ну как же больно! Похоже, последние слова кричу уже вслух — на русском языке.

Плевать, в этих казематах хоть на марсианском матерись: всем безразлично.

В коридоре шум. Что это? Неужели время вышло? Убивать будут? Печально — я сейчас ни на что не годен.

— А почему ты один?

Похоже на голос одного из стражников — того, что в дверях встречал.

— А не знаю — не дали никого сегодня.

Этот голос впервые слышу.

— Одному не положено на ночь оставаться.

— Ну так оставайся — вместе будем.

— Губы закатай на их законное место. Меня пиво уже истомилось ждать. Так что сиди тут сам — завидуй.

— Я свое еще наверстаю. — Ох и голос у этого гада: противный, скрипучий, дребезжащий. — Сидельцев сегодня много?

— У недоимщиков аж шестеро сидят. Тихие они, но, если начнут в дверь ломиться, не слушай ничего. Утром обходчик пусть сам челобитные принимает — его для того и поставили. В левом тупике бесноватый. Простой бесноватый: священники сказали, что он не по их части, — просто головой тронулся. Били его крепко и у них, и до них, и у нас, да и закован по рукам и ногам — не шевелится. А может, сдох уже — по голове ему хорошо навалили. Хотя живучие они, должен оклеветаться... Будет опять орать — пускай орет.

— Вдруг и вправду сдох — так выносить надо, пока не завонял.

— А ты пойдй к нему и проверь. Он, говорят, когда вязали, мужику руку отгрыз по локоть.

— Да иди ты! Вот сам и проверь.

— Ха! А оно мне зачем надо?! В общую камеру тоже не заглядывай — там разбойных ребят набили под самый потолок. На западной дороге целую шайку повязали — добаловалось ворье. В трактире упились, что на Сорочьем перекрестке, а кто-то страже донес, ну и взяли их разморенными. Работы палачу теперь на неделю — там небось половине надо ноздри рвать, а остальным пальцы резать или руки рубить. Да и повесить поближе к небесам не мешает некоторых. Следи за ними в оба: сволота там еще та — один хитрозадее дру-

гого. В колодной парочка сидит, но от тех вряд ли шум будет или хлопоты какие. Да и какие хлопоты от колодников? Все понял? Ну бывай тогда — закрывай за нами.

В коридоре зашумело, залязгало, затихло. Видимо, дверь закрыли на ночь.

Епископ, не пропустивший из диалога тюремщиков ни слова, громко прошептал:

— Дан, он один на ночь остался! Удача! Эх, нам бы в коридор только выбраться!

За решеткой посветлело — кто-то неспешно топал по коридору, видимо, с факелом в руке. Так и оказалось — перед «камерой» показалась фигура тюремщика: невысокий, толстый, коротконогий. Подробности при таком освещении из моего положения рассмотреть нелегко, но серьезным противником вроде не пахло.

— За что сидите, колодники? — с насмешкой поинтересовался «дребезжащий».

— Шлюху не поделили. — Епископ пояснил это столь непринужденным тоном и так молниеносно, будто неделю просидел здесь в ожидании именно этого вопроса и вообще является непревзойденным специалистом по продажным женщинам.

Хохотнув, тюремщик уточнил:

— Тех, кто шлюху поделить не может, в колодки не забивают. Врешь ведь!

— Мы в ходе ее дележки кабак разнесли, — пояснил Конфидус.

— Так вы, я вижу, повеселиться не дураки! Если не врешь, конечно. А что хоть за шлюха?

— А ты что, господин тюремщик, всех шлюх знаешь? И новых, и старых?

— Новых, наверное, не всех, а старых — конечно. Их, бывает, за дело или просто так попы сюда закрывают на денек-другой. Знакомимся, так сказать. — Похабный смешок.

— Ну эту, значит, точно знаешь. Имени не скажу, но на вид старая. Очень старая. Беззубая совсем. И седая, а морда как у тебя точь-в-точь. Знаешь, зря ты здесь время теряешь.

Платье раздобудь — и сможешь неплохо подрабатывать: не хуже, чем она. Вы ведь будто близнецы.

— Ты, колодник, языкаст больно! Смотри, договоришься! Не поленюсь самолично пяток плетей всыпать: мне руку набивать надо — в палачи думаю податься... денег там побольше, чем у надзирателей, выходит. Так что язык свой проглоти! Молчишь? То-то!

— Молчу-молчу. Просто перепутал тебя.

— С кем это?

— Да, говорят, служит у вас тут один...

— И?

— Что «и»? Семейное дело у них: все бабы в семье этим самым подрабатывают. Не руками. Когда ты оживился при словах о шлюхах, так я и решил, что это он и есть.

Тюремщик, сплюнув, пригрозил кулаком, хотел было что-то сказать, но, не рискнув продолжать беседу с вульгарным не по сану Конфидусом, отправился дальше по коридору.

Епископ своим обычным, серьезным тоном тихо пояснил:

— Знаю я таких болтливых — если не отшить сразу и грубо, то на всю ночь треп устроит. Скучно ему одному, вот и ищет уши с языками. А разозлить его маленько не помешает — для будущего дела полезно иногда. Дан, вы там как?

— Сам не знаю, — ответил честно. — После той шутки, что вы проделали у брода, заживает на мне все быстро, только на этот раз сам не пойму, как там. Устал я... Конфидус... очень...

— Дан... я ничем не могу вам помочь. Я даже не понимаю, что вы сейчас там делаете.

— Сам не знаю... сейчас немного дух переведу — и попробую освободиться.

— Цепи порвете, что ли?!

— Перегрызу...

Епископ заворочался, и, если не обманули уши, сдавленно выругался. Наверное, обманули: не укладывается в голове, что этот почти святой человек способен на низменное сквернословие.

Глава 3 НЕМНОГО О ПОБЕГАХ

В силу врожденного гуманизма (осложненного воспаленным человеколюбием) местные тюремщики не стали закрывать меня в колодки. Этот агрегат, предназначенный для превращения заключенных в предмет камерного интерьера, не регулировался по высоте — мне бы пришлось стоять, опираясь на покалеченные ноги. Заплечных дел мастера поступили проще: усадили у стены и пропустили цепь ручных кандалов через загнутое кольцом ушко железного штыря, вбитого в стык кладки. Все, теперь убежать из камеры инвалиду будет несколько затруднительно.

Так они думали.

Перегрызать цепи я даже пытаться не стал — зубы у меня от всего пережитого в алмазные не превратились. Штырь тоже чересчур крепок для них... Но кое-какие варианты имелись.

Стены сырые, заплесневелые. Штырь забит меж камней давненько. Обычное железо, а значит, проржавело на совесть — условия ведь соответствующие. Нет, сломать стержень нечего и думать — коррозия не настолько разгулялась. Но, если мыслить логически, поверхность металла сейчас превратилась в труху, что не лучшим образом отразилось на его сцеплении с тюремной кладкой.

Ушко штыря неудобное — обхватить трудно. Я и не стал: начал закручивать цепь, извиваясь на гнилой соломе, будто червяк. Поначалу дело двигалось успешно, но на каком-то этапе возникли сложности: многократно перекрученная цепь начала вести себя будто лом пудовый — не хотела поддаваться. Настал момент, когда, несмотря на титанические усилия, все застопорилось на середине оборота: я был не в силах его завершить.

Дергался, сдавленно шипел от вспышек боли в многострадальных ногах, крутил неподатливый металл до огня в ладонях, наваливался всем телом.

Бесполезно...

И вдруг — есть! Поддался штырь. Чуть-чуть, едва заметно,

но поддался — повернулся немного. Сильнее; всем телом; рывок; еще раз! Опять! Оборот завершен.

Расшатывая штырь, боролся с ним еще несколько минут, пока он наконец не начал проворачиваться уверенно.

Дальше наступил второй этап: пришло время тянуть его на себя. Выходил неохотно — приходилось все так же крутиться, натягивая на себя посильнее. Время от времени поддавался, выбираясь из стены на считанные миллиметры.

Я содрал кожу на ладонях и дышал как загнанная лошадь. Штырь, похоже, был бесконечным. Я уже вытащил его из стены чуть ли не на полметра, а он все не заканчивался. Еще рывок... Есть! Свобода! Проклятая железка с приглушенным лязгом падает в соломенную труху.

— Дан! Что там?! — не выдержал епископ.

— Я вытащил штырь из стены. Повезло — он проржавел сильно.

— Слава тебе господи! Дан, как там ваши ноги?

— Еще не знаю... погодите минуту.

Осторожно, придерживаясь за стену, поднялся. Шатает, перед глазами цветные разводы мельтешат... совсем меня местные гестаповцы доконали. Соберись, Дан! Соберись! Так. Ноги. Что с ними? В протезы превратились... Не чувствую я их от середины голеней и ниже — будто деревянные. Интересно, как дерево может так сильно болеть?

— Дан! Вы стойте! Это действительно чудо! Ноги ведь совсем сломаны были!

— Стоять стою, да только деревянные мои ноги — кроме боли, ничего не чувствую.

— Идти сможете?!

— А у меня есть выбор?

— Боюсь, что нет... Сможете меня освободить?

— Посмотрю...

Смог. Все оказалось просто — колодки закрывались на простейший деревянный запор. Даже ключа не потребовалось. Да и зачем он — узник все равно самостоятельно до замка ни за что не дотянется.

Освободившись, Конфидус деловито изучил кандалы на своих ногах, а затем мою цепь. Особенно его привлек штырь. Покрутив его в руках, он пробормотал:

— Придется грех на душу брать...

— Вы о чем?

— Да тюремщику надо бы по голове врезать — на другое сил не хватит... ослаб я здесь, взаперти...

— А уж как я ослаб... Думайте об этом позитивно — деваться-то нам некуда. И вообще, башка у него, похоже, из чугуна — не сдохнет. Только как до него добраться...

— Ну, это как раз легко. Вы только сядьте за моей спиной и железку эту наготове держите, чтобы я ее быстро схватить мог. В такой темноте он вряд ли поймет, что вы с места сдвигались. Сейчас позову.

Епископ опять пристроился к колодке, опустил доску. Запор, естественно, остался в открытом положении, но в потемках заметить это нелегко. Застыв в прежней позе, громко выкрикнул:

— Эй! Добрый человек! Я кое-что важное вспомнил! Подойди, будь добр!

Вдалеке невнятно забурчали, на стенах засверкали отблески приближающегося огня. Вскоре показался тюремщик — встал перед решеткой, что-то жуя, недовольно буркнул:

— Чего орешь, колодник? Плетей давно не нюхал?

— Добрый человек, ты же меня про шлюху спрашивал! Про ту, которую мы с другом не смогли поделить мирно!

— Ну? — подозревая подвох, недоверчиво уточнил коротышка.

— Я вспомнил про нее кое-что.

— И что же ты вспомнил такое?

— Она была твоей мамой.

Тюремщик не стал ругаться или другими экспрессивными способами выказывать свое раздражение от полученной информации. Медленно покачав головой, вздохнул:

— Вот что за люди — и пожрать не дадут спокойно. И чего жим не сидится? Думаешь, про плети я пошутил? А не шутил я... не шутил — вообще шуток не люблю. Ты погоди маленько — сейчас вернусь.

— Да я не тороплюсь, — снисходительно произнес епископ. — Сочувствую тебе, парень: не повезло тебе с родителями. Особенно с матерью.